

ЛАВКА ЗАБЫТЫХ ВЕЩЕЙ

АНДРЕЙ ЛАПТЕВ

Андрей Лаптев

Лавка забытых вещей

«Автор»

2026

Лаптев А. С.

Лавка забытых вещей / А. С. Лаптев — «Автор», 2026

После похорон тёти Мира Ланская собирается быстро разобрать старую лавку и выставить её на продажу. Но утром в запертом приёмном шкафу появляется латунный компас, которого вечером там не было. В старых карточках Аглаи Мира находит пометку «НВ», то есть «нельзя выбросить». Такие вещи возвращаются в лавку после того, как от них пытаются избавиться, а прикосновение к ним иногда оставляет несколько чужих ощущений: холод, запах, звук, боль. Мира привыкла доверять документам, а не мистике, поэтому каждую невозможную деталь превращает в проверяемый вопрос. Когда в шкафу появляется механическая ласточка, след ведёт к пожару 1987 года, исчезнувшей мастерице Вере Клен и истории, которую город десятилетиями считал законченной. Чем больше Мира узнаёт, тем яснее становится: старые вещи возвращаются не для того, чтобы дать готовый ответ. Они лишь заставляют людей снова посмотреть на то, что те предпочли забыть. Но что, если очередная попытка избавиться от прошлого уже стоила кому-то жизни?

© Лаптев А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Инвентаризация	5
Глава 2. Компас	15
Глава 3. НВ	23
Глава 4. Историк	30
Глава 5. Ласточка	40
Глава 6. Семь ласточек	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лавка забытых вещей

Глава 1. Инвентаризация

К шести вечера в лавке осталось одиннадцать живых цветов, три складных стула и чужая чёрная перчатка.

Цветы Мира поставила в самые большие ёмкости, которые сумела найти. Две хрустальные вазы, эмалированное ведро с облупившимся краем, высокий кувшин с нарисованными сливами. Последний букет пришлось разделить между банкой из-под кофе и фарфоровым чайником без крышки.

Стулья она сложила возле двери.

С перчаткой вышло сложнее.

Мира держала её двумя пальцами и пыталась вспомнить, кому она принадлежала. На похороны пришло больше людей, чем она ожидала. Старые покупатели тёти, соседи, несколько бывших работников рынка, женщина из библиотеки, мужчина с часовым ключом на цепочке, какие-то дальние знакомые, которых Мира видела впервые.

К концу поминок лица смешались.

Перчатка была женская, тонкая, шерстяная, почти новая.

Мира положила её на край прилавка.

Если хозяйка вернётся, увидит сразу.

Потом посмотрела на часы.

18:07.

День закончился часа три назад. Организм просто ещё об этом не догадался.

Мира сняла пальто, повесила его на деревянную вешалку и впервые за весь день осталась в лавке одна.

Стало слышно часы.

Их здесь оказалось слишком много.

Настенные, каминные, настольные. Одни шли, другие стояли. Одни отставали, другие спешили. Часы над дверью показывали шесть минут седьмого. Небольшие латунные на полке у окна утверждали, что уже половина восьмого. Кукушка в тёмном деревянном домике вообще молчала.

С кухни наверху доносилось равномерное тиканье старого будильника Аглаи.

Мира постояла посреди торгового зала.

С утра лавка была полна людей. Сейчас казалось, что они ушли слишком быстро и оставили после себя пустоты неправильной формы.

На прилавке лежали блюдца, бумажные салфетки, две недопитые чашки. Кто-то забыл зонт в медной подставке у входа. На стуле возле окна остался сложенный церковный платок.

Мира взяла с полки пустую картонную коробку и написала на ней маркером:

ЗАБЫТО СЕГОДНЯ.

Перчатку, платок и зонт она сложила туда.

Надпись получилась двусмысленной.

Она посмотрела на неё, потом пожала плечами.

Переделывать не стала.

Телефон завибрировал в кармане.

Сообщение от оценщика, с которым она говорила два дня назад.

«Соболезную. Как и договаривались, могу приехать в четверг после обеда. Для первичной оценки желательно отделить личные вещи от товара и собрать документы на имущество».

Мира перечитала сообщение.

Четверг.

Сегодня была суббота.

Пять дней.

Нормально.

Она ответила:

«Спасибо. Четверг подходит».

Потом открыла заметки.

Лавка:

1. Найти документы на помещение.
2. Отделить личное.
3. Проверить товарный учёт.
4. Ключи.
5. Проверить подсобные помещения.
6. Связаться с коммунальными службами.
7. Оценщик, четверг.

Пятый пункт был самым расплывчатым: Мира ещё не понимала, где здесь товар, а где хозяйственные вещи.

Она добавила восьмой пункт:

8. Выяснить, что вообще здесь продаётся.

Это звучало глупо, но вопрос был практический.

На витрине стояли фарфоровые собаки, два подсвечника, коробка шахмат с тремя отсутствующими фигурами, серебристая пудреница и старый фотоаппарат. За стеклом прилавка лежали запонки, значки, медали, карманные ножи, броши, монеты, ключи.

На полках дальше начиналось полное отсутствие системы.

Чайник соседствовал с детской деревянной лошадью. Рядом с книгами стояла ручная кофемолка. На комод лежала скрипичная подставка, моток медной проволоки и деревянная форма для шляпы.

При жизни Аглая уверяла, что знает место каждой вещи.

Мира ей не верила.

Теперь проверить было некому.

Она достала из сумки резинку, собрала волосы и пошла за мусорным пакетом.

В маленькой конторе за прилавком пахло бумагой, пылью и старым деревом.

Письменный стол Аглаи оказался завален аккуратными стопками.

Стопки были аккуратными. Почему-то это раздражало сильнее беспорядка.

Слева лежали счета. Справа записные книжки. Возле лампы стояла жестяная коробка с карандашами. Под пресс-папье Мира нашла квитанцию за электричество и положила её к остальным счетам.

Верхний ящик стола открылся сразу.

Печати, скрепки, запасные ценники, банковские документы.

Во втором лежали ключи.

Много.

Мира вынула связку.

На бирках были надписи:

«Вход».

«Кладовая».

«Верх».

«Шкаф».

«Почтовый».

«Сарай».

Мира выдвинула третий ящик.
Там лежали карточки.
Сотни небольших плотных прямоугольников, собранных резинками по годам.
Она взяла верхнюю пачку.
На первой карточке:
«Сахарница, фарфор, белая, золочёный край. Трещина на ручке. Принесла К. Р. 14.04.
Цена согласована».
На обороте было написано:
«Продано 21.06».
Следующая:
«Радиоприёмник „Рекорд“. Рабочий. Принёс А. В. 03.09».
Обычный учёт.
Плечи немного отпустило.
Хаос на полках оказался хотя бы описан.
Она просмотрела ещё десяток карточек.
Фамилии Аглая почти всегда сокращала до инициалов. Иногда добавляла номер телефона. Иногда адрес.
В нижнем правом углу стояли пометки карандашом: «П», «К», «В».
Мира достала блокнот и переписала обозначения.
Потом заметила другую карточку.
Бумага была та же, почерк Аглаи тот же.
«Компас, латунь. Стекло с царапиной. Крышка с гравировкой».
Ни цены, ни имени владельца.
В углу две буквы:
«НВ».
Мира перевернула карточку.
Пусто.
Следующая такая же странная запись встретила через пять минут.
«Детская туфля, красная, правая. НВ».
Потом:
«Ключ, железный, 11 см. НВ».
Потом:
«Фотография в овальной рамке. Женщина возле лодки. НВ».
Мира отложила четыре карточки отдельно.
Возможно, «не выставлять».
Или «не выкуплено».
Хотя второе не подходило.
Аглая наверняка где-нибудь оставила расшифровку.
Мира проверила внутреннюю сторону ящика.
Ничего.
Телефон снова завибрировал.
На этот раз звонила мать.
Мира посмотрела на экран и несколько секунд не отвечала.
Потом провела пальцем.
«Да».
«Ты ещё там?»
«Там».
«Одна?»
Мира огляделась.

«С часами».

Мать помолчала.

«Мира».

«Что?»

«Я спрашиваю нормально».

«И я нормально».

В трубке послышался выдох.

«Может, переночуешь в гостинице?»

«Зачем?»

«Потому что сегодня были похороны. Потому что ты устала. Потому что квартира Аглаи месяц стояла закрытая».

«Три недели».

«От этого она уютнее стала?»

Мира прислонилась бедром к столу.

«Здесь есть вода, электричество и чистое постельное бельё. Я проверила».

«Конечно, проверила».

Вот это уже было сказано тем материнским тоном, который мог означать всё сразу.

Мира посмотрела на стопку карточек.

«Мне надо закончить пару вещей».

«Сегодня?»

«Сегодня хотя бы понять, с чего начинать завтра».

«Ты собираешься всё продать?»

Вопрос возник слишком быстро.

Мира задержала взгляд на двери конторы.

За стеклом виднелся тёмный торговый зал.

«Да».

«Понятно».

Мать не стала спорить.

Спор Мира перенесла бы легче этого молчания.

«Оценщик будет в четверг».

«Аглая знала, что ты продашь?»

Мира провела пальцем по краю стола.

На полировке осталась тонкая светлая полоса.

Пыль.

«Мы это не обсуждали».

«Вы много чего не обсуждали».

«Мам».

«Хорошо. Не начинаю».

Несколько секунд обе молчали.

Потом мать спросила:

«Ты ела?»

«Да».

Это была ложь, если не считать двух половинок бутерброда и печенья во время поминок.

«У тебя голос голодный».

«Такого не бывает».

«Бывает. Позвони, когда ляжешь».

«Хорошо».

«И запри дверь».

«Я знаю».

«Мира».

«Запру».

Она отключилась.

Несколько секунд держала телефон в руке.

Потом добавила в список:

9. Еда.

С этим пунктом хотя бы всё было ясно.

Она вернулась в торговый зал.

Возле боковой стены, почти за тяжёлой портьерой, обнаружилась узкая дверь.

За ней находился тамбур, который Мира видела с улицы. Когда-то, судя по всему, там был отдельный вход для приёма вещей. Сейчас наружная дверь была закрыта металлической решёткой и двумя замками.

У внутренней стены стоял высокий деревянный шкаф.

Тот самый, к которому подходил ключ с биркой «Шкаф».

Мира вставила ключ.

Замок повернулся туго.

Внутри оказалось пусто.

Три полки, тёмные следы от коробок, запах сухого дерева.

На нижней полке лежал лист газеты.

Мира подняла его.

Дата пятилетней давности.

Под газетой ничего.

Она постучала по задней стенке.

Плотная.

Проверила боковины.

Обычный старый шкаф, встроенный в нишу.

Судя по потёртостям, раньше внешняя дверца открывалась со стороны тамбура, чтобы люди могли оставлять вещи, не заходя в торговый зал.

Мира вышла наружу через главный вход и обошла дом.

Боковая дверь находилась в узком проходе между лавкой и соседним зданием.

Решётка сидела плотно.

Один замок был навесной, второй врезной. На металле скопилась ржавчина.

Мира дёрнула решётку.

Та загремела, но не поддалась.

Окно над дверью было закрашено изнутри.

Она сфотографировала замки.

Потом вернулась в лавку, заперла главный вход и внесла в список ещё один пункт:

10. Боковой вход. Найти ключи.

Откуда-то сверху донёсся короткий металлический удар.

Мира подняла голову.

Тишина.

Через несколько секунд один из часов в торговом зале щёлкнул и начал отбивать половину часа.

Первый удар был громким.

Второй чуть слабее.

На третьем механизм закашлялся и замолчал.

Мира посмотрела на часы.

«В ремонт».

Это тоже надо было записать.

Она уже открыла заметки, когда поняла, насколько нелепым станет список, если начать добавлять туда каждую сломанную вещь в помещении.

Телефон показывал 19:03.

Мира решила заканчивать.

Она собрала чашки, вытерла прилавок, закрыла окна. Проверила дверь в кладовую. Там оказались коробки, старые рамы и два разобранных стула.

Перед тем как подняться наверх, Мира вернулась к приёмному шкафу: вспомнила про газету, оставленную на прилавке.

Она открыла дверцу.

Полки были пусты.

Мира зачем-то провела ладонью по средней.

Пыль собралась на пальцах.

Она закрыла шкаф.

Повернула ключ один раз.

Попробовала ручку.

Заперто.

Ключ повесила на маленький крючок внутри конторы вместе с остальными.

После этого выключила свет.

* * *

Квартира Аглаи начиналась сразу за узкой лестницей.

Мира помнила её меньше.

В детстве квартира казалась частью лавки. Тогда можно было спуститься босиком за конфетой, найти внизу старую книгу и пропасть с ней до обеда.

Теперь наверху было слишком тихо.

На кухонном столе стояла сахарница с синими цветами.

Та же самая.

Мира даже остановилась в дверях.

Лет в десять она уронила крышку и отколола маленький кусок у края. Аглая сказала, что ничего страшного. Мира неделю сэкономила карманные деньги, собираясь купить новую.

Потом забыла.

Скол сохранился.

Мира провела по нему ногтем.

На холодильнике висел календарь.

Аглая зачеркнула последние три дня перед больницей.

После них клеточки оставались пустыми.

Мира сняла календарь и положила на стол.

Потом вернула обратно.

Она нашла макароны, банку томатов и сыр, срок которого ещё не вышел. Через двадцать минут ужин был готов.

Ела стоя у окна.

Сверху город выглядел обычным.

На противоположной стороне улицы закрывалась пекарня. Девушка в белом фартуке вынесла пакет мусора, вернулась, погасила вывеску.

Мужчина на велосипеде проехал по мокрой мостовой.

Чуть дальше над крышами виднелась верхушка старой часовой башни.

Мира посмотрела на неё и вспомнила, как Аглая когда-то учила её определять время по звону.

Тогда часы ещё отбивали каждый час.

Сейчас механизм запускали только по праздникам.

На подоконнике стояла фотография.

Мира и Аглая.

Лет пятнадцать назад.

Мира на снимке шурилась от солнца и держала стеклянную бутылку лимонада. Аглая смотрела в камеру с выражением человека, которому фотографирование мешало заниматься чем-то более полезным.

Мира перевернула рамку изображением к стене.

Последний раз она ночевала здесь восемь лет назад. В тот приезд они поссорились из-за Аглаиных карточек. Мира, уже работавшая в музее, предложила перенести учёт в компьютер и после проверки избавиться от бумажных дублей. Аглая ответила: «Мои карточки оставь в покое». Мира сказала, что хотела помочь. «Вот и не помогай». Утром Мира уехала раньше, чем собиралась.

Потом Мира решила, что Аглая обиделась. Тётя не позвонила первой, Мира тоже. За восемь лет ни одна не проверила, насколько серьёзной была та ссора.

Через минуту Мира вернула фотографию обратно.

Спать легла поздно.

В квартире нашлось слишком много мелких дел.

Проверить бойлер.

Найти полотенце.

Выбросить пакет молока.

Закрыть форточку в спальне.

Снять покрывало с кровати.

Каждое действие занимало минуту и позволяло ещё минуту не думать.

Около полуночи Мира нашла на тумбочке книгу, которую Аглая читала перед больницей.

Между страниц лежал старый автобусный билет.

Мира закрыла книгу.

Свет выключила в 00:17.

Заснула почти сразу.

* * *

Разбудили её часы.

Сначала одни.

Потом вторые.

Потом где-то внизу что-то начало звонить с таким энтузиазмом, будто дом пытался эвакуировать жильцов.

Мира открыла глаза.

07:02.

«Господи».

Она натянула халат и спустилась.

Звон шёл из торгового зала.

На полке у стены подпрыгивал маленький механический будильник.

Мира нашла рычажок и остановила его.

Тишина вернулась мгновенно.

Она стояла босиком среди старой мебели, держа будильник в руке.

«Тебя я точно продам первым».

Будильник возражать не стал.

Мира поставила его обратно.

За окнами моросил мелкий дождь.

В сером утреннем свете лавка выглядела проще, чем вечером. Меньше теней, больше пыли.

Она включила лампы.
Надо было сделать кофе, одеться, сходить за продуктами. Потом карточки.
Мира дошла до конторы.
На крючке висели ключи.
Она машинально сняла связку.
Кладовая.
Вход.
Шкаф.
Сначала открыть помещение, потом кофе.
Так было разумнее.
Главный замок поддался со второго раза.
Мира отодвинула засов, но дверь пока не открывала. До девяти покупателей всё равно ждать не стоило.
Она вернулась в тамбур.
Вчера вечером здесь было пусто.
Она помнила это точно.
Поэтому, когда ключ повернулся и дверца приёмного шкафа открылась, Мира сначала просто смотрела внутрь.
На средней полке лежал компас.
Латунный.
Круглый, размером чуть меньше ладони.
Стекло пересекала тонкая царапина.
У компаса была крышка.
Мира несколько секунд не двигалась.
Потом закрыла дверцу.
Снова открыла.
Компас остался.
Она посмотрела на пол.
Потом на потолок шкафа.
На боковые стенки.
«Ладно».
Голос прозвучал хрипло после сна.
Мира не стала брать компас.
Сначала обошла шкаф.
Ниша примыкала к наружной стене.
Она вышла на улицу через главный вход.
Дождь усилился.
Босые ноги сразу промокли на холодном камне.
Мира выругалась и всё равно дошла до бокового прохода.
Решётка на месте.
Навесной замок закрыт.
Ржавчина по краям выглядела ровно так же, как вчера.
Она достала телефон и открыла вчерашнюю фотографию.
Сравнила.
Положение дужки совпадало.
Мира потрогала врезной замок.
Холодный металл.
Никаких свежих следов.
Вернулась внутрь.

Закрyla главный вход.
Поднялась наверх, надела джинсы, носки и свитер.
Только потом снова спустилась к шкафу.
Компас никуда не делся.
Теперь Мира вынула его.
Тяжёлый.
Холодный.
Крышка открылась с тихим щелчком.
Стрелка дрогнула и повернулась.
На внутренней стороне крышки была гравировка.
Две буквы.
«Н. А.»
Мира перевернула компас.
Никаких ценников.
Никакой бирки.
Она положила его на прилавок и направилась в контору.
Ключ от шкафа всё это время был на крючке.
Запасной?
Она выдвинула ящик с ключами.
Перебрала их.
Подходящего второго ключа не увидела.
Потом достала телефон и набрала номер матери.
Палец остановился над кнопкой вызова.
Что она скажет?
«Кто-нибудь заходил ночью и оставил компас в запёртом шкафу»?
Мира положила телефон экраном вниз.
Сначала факты.
Всегда сначала факты.
Она открыла тетрадь.
Записала время.
07:18. Обнаружен предмет в приёмном шкафу.
Проверила боковой вход. Оба замка закрыты.
Ключ от внутренней дверцы находился в конторе.
Потом вернулась к компасу.
На стекле была царапина.
Крышка с гравировкой.
Мира замерла.
Через несколько секунд пошла к столу Аглаи.
Третий ящик.
Карточки.
Вчерашняя пачка лежала там, где она её оставила.
Мира перебрала отложенные записи.
Первая.
«Компас, латунь. Стекло с царапиной. Крышка с гравировкой».
В нижнем правом углу стояли две буквы.
НВ.
Мира медленно села в кресло Аглаи.
Ещё раз посмотрела на карточку.
Потом на компас, лежавший за стеклянной дверью конторы на прилавке.

Ни даты.
Ни владельца.
Ни цены.
Только описание.
И две буквы.
НВ.
Мира перевернула карточку.
На обороте, в самом низу, нашлась строка, которую вчера она не заметила.
Карандаш почти стёрся.
Три слова.
«Вернулся второй раз».
Мира прочитала их ещё раз.
За стеной начали тикать часы.

Глава 2. Компас

К половине девятого Мира успела проверить три версии.

Первая была самой неприятной: компас лежал в шкафу вечером, а она его не заметила.

Мира отмела её не сразу. Она снова восстановила вчерашние действия по порядку. Открыла дверцу. Подняла газету с нижней полки. Провела ладонью по средней. Проверила заднюю стенку. Закрыла шкаф. Повернула ключ. Дёрнула ручку.

Компас на средней полке она бы увидела.

Вторая версия: существовал второй ключ.

Третья: наружная дверца всё-таки открывалась.

Эти две пока оставались.

Мира вынесла компас на прилавок и сделала несколько фотографий. Общий вид, крышка, царапина на стекле, гравировка «Н. А.», маленькая цифра семь возле шарнира. Потом записала размеры и состояние в тетрадь.

Она действовала так, как привыкла на работе. Сначала предмет. Потом происхождение. После этого версия.

Не наоборот.

С кофе стало немного легче.

В 08:43 кто-то дёрнул входную дверь.

Мира подняла голову.

До открытия оставалось семнадцать минут.

Снаружи постучали.

На пороге стояла невысокая женщина лет шестидесяти в прозрачном дождевике. В одной руке она держала складной зонт, в другой бумажный пакет.

«Вы уже открылись?»

«Через семнадцать минут».

«Тогда я подожду внутри. На улице дождь».

Не вопрос.

Мира отступила.

Женщина вошла, закрыла зонт и аккуратно стряхнула воду на коврик.

«Я Тамара Степановна. Из дома напротив. С Аглаей сорок два года через окно друг на друга смотрели».

«Очень близкие отношения».

Тамара Степановна посмотрела на неё и коротко улыбнулась.

«Вы племянница. Видно».

Она протянула пакет.

«Пирог. Вчера вы почти ничего не ели».

«Спасибо».

«Творог. В холодильник поставьте».

Мира уже собиралась отнести пакет наверх, когда заметила, что женщина смотрит не на неё.

На компас.

Лицо Тамары Степановны изменилось едва заметно. До этого оно постоянно двигалось, брови, губы, глаза. Теперь стало неподвижным.

«Вы его знаете?»

Тамара Степановна подошла ближе.

«Откуда он у вас?»

«Нашла здесь».

«Где здесь?»

Мира выдержала паузу.

«В лавке».

Женщина протянула руку, но не коснулась компаса.

«Можно?»

Мира подвинула его.

Тамара Степановна открыла крышку и увидела инициалы.

«Ну конечно».

«Кто такой Н. А.?»

«Николай Андреевич Веденин».

Имя стало первым настоящим следом.

Мира открыла тетрадь.

«Он жив?»

«Нет. Лет двенадцать уже».

«Родственники?»

«Брат. Павел Андреевич. Если сам ещё жив».

«Где его найти?»

Тамара Степановна закрыла крышку компаса.

«Ключевая, двадцать четыре. Дом за старым элеватором».

Мира записала адрес.

«Аглая вам ничего не рассказывала?»

«О компасе нет».

«Я не только про компас».

«А про что?»

Тамара Степановна надела перчатки.

«Значит, не рассказывала».

«Вы спросили сами».

«И поняла, что зря».

Она взяла зонт.

«Пирог не забудьте».

«Тамара Степановна».

«Что?»

«Что означает НВ?»

Женщина посмотрела на неё дольше, чем требовал простой вопрос.

«Не помню».

«Вы знаете эту пометку».

«Видела у Аглаи».

«И за сорок два года ни разу не спросили?»

«Спрашивала».

«Что она ответила?»

«Что не всё надо трогать только потому, что лежит близко».

«Это не расшифровка».

«Вот именно».

Она вышла.

Через стекло Мира видела, как соседка перешла улицу и скрылась в подъезде над пекар-ней.

Пирог Мира всё-таки отнесла в холодильник.

В девять перевернула табличку на двери.

Первые два часа лавка занималась тем, чем и должна была заниматься лавка.

Мужчина выбирал подсвечники и ничего не купил. Девушка нашла четыре старые открытки с вокзалом. Пожилая пара спорила о цене настольной лампы, хотя ни один из них не хотел её покупать. Кассовый аппарат отказался включаться, а банковский терминал потребовал пароль, которого Мира не знала.

Обычная торговля немного успокаивала.

Компас она убрала в ящик конторы.

В 11:40 нашла городской справочник и номер Павла Андреевича Веденина.

Позвонила.

Никто не ответил.

Через полчаса позвонила снова.

Тишина.

В 13:34 телефон зазвонил сам.

Незнакомый номер.

«Да».

«Вы Ланская?»

Мужской голос был старческий, но крепкий.

«Да».

«Вы Павла Веденина искали».

«Добрый день. У меня есть вещь, которая, возможно, принадлежала вашему брату».

«Какая?»

«Компас».

На другом конце стало тихо.

Мира посмотрела на закрытый ящик.

«На крышке инициалы Н. А.».

«Где вы его взяли?»

«В лавке Аглаи Ланской».

Снова пауза.

«Аглая умерла».

«Да. Я её племянница».

«Знаю».

«Вы можете посмотреть на вещь?»

«Не надо».

«Вы уверены, что она принадлежала Николаю?»

«У него на крышке было Н. А.».

«Да».

«Значит, его».

«Тогда, возможно, вы знаете, как компас попал к Аглае».

«Знаю».

Мира взяла ручку.

«Расскажете?»

«Нет».

Он отключился.

Мира посмотрела на экран.

Записала разговор почти дословно.

Через минуту телефон зазвонил снова.

«Вы сейчас в лавке?»

«Да».

«До скольких?»

«До шести».

«Буду».

Связь оборвалась.

Павел Веденин пришёл в 16:05.

Высокий, сухой, немного сутулый мужчина в старой коричневой куртке. Сложенную трость он держал в руке, но почти не пользовался ею.

«Ланская?»

«Мира».

«Павел Андреевич».

Она достала компас.

Павел остановился в двух шагах от прилавка.

«Он».

«Хотите посмотреть?»

«Мне не надо».

Но через секунду всё-таки взял.

Открыл крышку.

Стрелка качнулась.

Павел провёл большим пальцем по царапине на стекле.

«После Рыбачьего».

«Что?»

«Озеро. Он там уронил компас на камни».

«Вы подарили его Николаю?»

Павел поднял глаза.

«Откуда знаете?»

«Не знаю. Предположила по вашей реакции».

«Подарил. На двадцатилетие».

Он закрыл крышку.

«Аглая где его держала?»

«Я пока разбираю вещи».

Павел коротко усмехнулся.

«Не рассказала, значит».

Это был уже второй человек за день.

«Что именно она должна была рассказать?»

«Ничего».

«Очень удобно».

«Аглая любила неудобные ответы».

Мира положила перед собой тетрадь.

«Вы принесли компас в лавку?»

«Нет».

«Кто?»

«Коля».

«Ваш брат?»

«Да».

«Когда?»

Павел не торопился отвечать.

«Лет шестнадцать назад. Мы тогда поссорились».

«Из-за чего?»

«Из-за дома родителей. Я хотел продать. Он нет».

Павел повертел компас в руках.

«Я в долги влез. У жены операция, дочка поступала. Мне казалось, всё просто. Дом пустой, деньги нужны. Коля решил, что я распродаю родителей по кускам».

«И вернул вам подарок?»

«В почтовый ящик положил. С запиской. Моё ему больше не нужно».

«Что сделали вы?»

«Выбросил».

«Компас?»

«Да».

«Куда?»

Павел посмотрел на неё.

«В Олышанку».

Мира перевела взгляд на вещь в его руке.

«Через неделю Аглая позвонила. Сказала, у неё есть кое-что моё».

«Как она объяснила, откуда у неё компас?»

«Никак. Сказала, нашла».

«Где?»

«Не сказала».

«Вы поверили?»

«Нет».

«Но забрали».

«Забрал».

Павел провёл пальцем по крышке.

«Через несколько месяцев мы с Колей всё-таки поговорили. Не сразу нормально. Потом нормально».

«Компас вернули ему?»

«Нет».

«Почему?»

«Не хотел».

Мира нахмурилась.

«Он был его».

«Был. Потом он мне его вернул. Потом я его выбросил. Потом он оказался у Аглаи. После этого вопрос собственности стал каким-то глупым».

Павел положил компас на прилавок.

«После смерти Коли я держал его дома ещё несколько лет».

«А потом?»

Он посмотрел на карточку, которую Мира заранее положила рядом.

«Потом снова выбросил».

«Куда?»

«В мусорный контейнер у дома».

Мира молчала.

«Через два дня Аглая опять позвонила».

Она перевернула карточку.

«Вернулся второй раз».

Павел прочитал и отвернулся.

«Так и написала?»

«Да».

«Она любила точные слова».

«Почему вы выбросили его после смерти брата?»

Павел не ответил сразу.

«Потому что он продолжал работать».

«Не понимаю».

«Не надо».

«Вы приехали сюда после того, как отказались говорить. Значит, всё-таки хотите объяснить».

Он посмотрел на неё сердито, но устало.

«Я приехал забрать компас».

«Зачем?»

«Чтобы он третий раз сюда не вернулся».

Раздражение оказалось привычнее тревоги.

«Предметы не возвращаются сами».

«Я знаю».

«Тогда что вы имеете в виду?»

«Именно это».

«Вы когда-нибудь видели, как компас попадает к Аглае?»

«Нет».

«Видели хоть что-нибудь необычное?»

«Нет».

«Тогда кто-то мог подобрать его и принести ей».

«Дважды?»

«Мог».

«Зачем?»

Мира не ответила.

Павел кивнул.

«Вот и я не знаю».

Впервые Павел ответил без сопротивления.

Мира подвинула ему лист.

«Распишитесь, что забрали вещь».

«Надо?»

«Мне надо».

Он прочитал весь текст и подписал.

Перед уходом Мира спросила:

«Когда Аглая отдала вам компас первый раз, она что-нибудь сказала?»

Павел застегнул куртку.

«Сказала, чтобы я больше не выбрасывал его сердитым».

«Почему сердитым?»

«Я спросил то же самое».

«И?»

«Она сказала, что так хуже».

Он убрал компас во внутренний карман.

«Если увидите его ещё раз, мне не звоните».

«Почему?»

«Тогда это уже точно не моя проблема».

После его ухода Мира долго смотрела на подписанный лист.

История Павла ничего не доказывала.

Он мог лгать.

Мог путать даты.

Аглая могла знать людей, которые находили компас. Могла устраивать странные воспитательные спектакли. Кто-то мог разыгрывать Ведениных.

Объяснения были плохие, но возможные.
До закрытия Мира почти не возвращалась к теме.
В 18:10 она заперла входную дверь и достала все карточки НВ.
Их оказалось сорок семь.
Она пересчитала дважды.
Часть была старой. Несколько написаны другим почерком.
Мира разделила карточки по почерку, бумаге и наличию дополнительных записей на обороте.
У компаса было:
«Холод. Камень. Железо».
На карточке красной туфли:
«Дождь. Краска. Правое колено».
На карточке ключа:
«Лук. Горячая вода. Гудок».
На фотографии женщины у лодки:
«Тина. Крем для рук. Песня».
Это не походило на описание предметов.
Мира взяла несколько обычных карточек.
Там таких заметок не было.
В 19:20 позвонила мать.
«Ты всё ещё там?»
«Да».
«Когда собираешься отдыхать?»
«После того, как пойму систему».
«То есть никогда».
Мира посмотрела на карточки.
«Ты когда-нибудь слышала от Аглаи про НВ?»
«Нет».
«Про вещи, которые она не выставляла?»
«Она многое не выставляла. Иногда говорила, что какая-то вещь вернулась. Я думала, клиент передумал».
«Почему?»
«Не знаю. Я старалась не спрашивать Аглаю, что именно она имела в виду».
«У тебя был редкий талант».
«У меня был опыт».
После разговора Мира ещё час разбирала карточки.
Никакой ясности.
Перед тем как подняться наверх, проверила приёмный шкаф.
Пусто.
Закрыла.
Заперла.
Ключ на этот раз положила в карман.
Около одиннадцати она спустилась ещё раз: не могла уснуть.
Лавка ночью была другой только потому, что в ней никто ничего не требовал.
Никаких цен. Никаких скидок. Никаких вопросов.
Мира прошла к шкафу.
Ключ был у неё.
Открыла.
Пусто.

Она почувствовала облегчение и сразу рассердилась на себя за это.
Провела ладонью по средней полке.
В тот же момент мир будто на секунду наложился сам на себя.
Лавка осталась перед ней.
Но одновременно Мира почувствовала холод.
Не прохладу помещения.
Резкий наружный холод в лице и пальцах.
Под ногой хрустнул камень.
Перед глазами вспыхнул белый свет.
Во рту появился металлический привкус.
Мира отдернула руку.
Всё исчезло.
Она стояла перед пустым шкафом.
Лампа горела ровно.
Пол был деревянным.
Во рту оставался слабый привкус железа.
Мира несколько секунд не двигалась.
Потом закрыла шкаф.
Вернулась в контору.
Открыла тетрадь и записала время.
23:08.
Холод.
Яркий белый свет.
Хруст гравия или мелкого камня.
Металлический вкус.
Ниже написала:
Возможное кратковременное головокружение. Недосып. Стресс. Мало еды. Отдельно:
контакт был с пустой полкой, не с компасом.
Это выглядело разумно.
Она уже собиралась закрыть тетрадь, когда увидела пачку НВ.
Карточка компаса была сверху.
Мира перевернула её.
«Холод. Камень. Железо».
Она застыла.
Эту строку она могла видеть утром.
Могла не обратить внимания.
Могла запомнить и воспроизвести позже.
Память так работает.
Мира повторила это мысленно.
Потом взяла карточку ближе к лампе.
Под тремя словами Аглая оставила ещё одну короткую запись, почти стёртую:
«Первое записать сразу. Потом не верить памяти».
Мира сидела неподвижно.
За стеной часы отбили половину двенадцатого.
На этот раз она не стала проверять, правильно ли они показывают время.

Глава 3. НВ

Утром компаса в шкафу не было.
Мира открыла дверцу в 07:14 и почти минуту смотрела на пустые полки.
Пустой шкаф её обрадовал.
Она сама не понимала, почему ожидала другого.
Перед тем как закрыть дверцу, Мира коснулась той же средней полки, что ночью.
Ничего.
Ни холода, ни хруста камня, ни металлического привкуса.
В тетради она добавила к ночной записи: «Повторить не удалось».
Павел забрал компас. Если его история имела хоть какую-то связь с пометкой НВ, предмет должен был оставаться у него, пока он не попытается избавиться от него снова.
Мира закрыла шкаф.
На кухне сделала кофе и перечитала ночную запись.
Холод.
Свет.
Камень.
Железо.
Под ней стояло разумное объяснение: стресс, недосып, мало еды.
Оно по-прежнему выглядело разумным.
Проблема была только в карточке Аглаи.
В 08:55 Мира открыла лавку.
Тамара Степановна появилась в 09:07.
Сегодня она принесла пустую стеклянную форму.
Она сказала: «От пирога».
Мира посмотрела на форму.
«Форма была у меня».
Тамара Степановна тоже посмотрела.
«Это другая».
«Понятно».
«Не цепляйтесь к словам с утра».
Она поставила форму на прилавок.
«Павел приходил?»
Мира подняла глаза.
«Откуда знаете?»
«Видела».
«Через окно».
«У меня хорошее окно».
«Он забрал компас».
«Правильно».
«Он сказал, что дважды его выбрасывал».
Тамара Степановна перестала поправлять ремешок сумки.
«Разговорчивый стал».
«Вы знали?»
«Про первый раз».
«И знали, что Аглая потом получила компас».
«Знала».
«Как?»

«Вот этого не знала».
Мира положила перед ней карточку.
«Что означает НВ?»
«Я уже говорила».
«Вы не помните».
«Вот видите, память у вас хорошая».
«А на обороте почему записаны ощущения?»
Женщина посмотрела на карточку.
«Какие?»
«Холод. Камень. Железо».
«А».
«Что значит а?»
Тамара Степановна сняла одну перчатку и медленно расправила пальцы.
«Аглая иногда так записывала».
«Что именно?»
«Первое, что приходило в голову».
«Зачем?»
«Говорила, чтобы не перепутать».
«Что не перепутать?»
«Вещи».
«Как можно перепутать компас и детскую туфлю?»
«Это опять не ко мне».
Мира смотрела на неё.
«Вы когда-нибудь что-нибудь чувствовали, когда касались таких вещей?»
Теперь пауза стала длиннее.
«Нет».
«Уверены?»
«Да».
«А видели, как чувствовала Аглая?»
«Мира».
«Что?»
«Если вы собираетесь жить здесь ещё хоть неделю, научитесь иногда не задавать следующий вопрос».
«Не собираюсь».
«Жить?»
«Остаться».
Тамара Степановна усмехнулась.
«Аглая тоже так говорила».
Мира уже слышала эту фразу и решила не реагировать.
«НВ».
«Не помню».
«Вы врёте».
Тамара Степановна подняла брови.
«Прямо с утра?»
«Я не спрашиваю, знаете ли вы. Я вижу, что знаете».
«Это уже ваша музейная работа начинается?»
«Моя работа начиналась с того, что я не писала в каталог то, чего не могла подтвердить».
«Вот и не пишите».
Она взяла стеклянную форму обратно.

«Зачем вы её забираете?»

«Потому что передумала оставлять».

«Вы её даже не приносили».

«Тем более».

Тамара Степановна ушла.

Мира записала разговор, стараясь не добавлять оценок.

В 10:20 позвонила Павлу.

Он ответил недовольно.

«Компас у вас?»

«У меня».

«Можете проверить?»

«Вы издеваетесь?»

«Нет».

«Я вчера положил его в ящик».

«Пожалуйста».

Несколько секунд слышались шаги и шум выдвижного ящика.

«Лежит».

От этого стало легче.

«Спасибо».

«Всё?»

«Да».

Он отключился.

Значит, сегодняшняя пустота шкафа ничего не опровергала.

К полудню Мира снова занималась старым каталогом.

Она разделила карточки НВ по времени.

Самые новые были написаны Аглаей. Старые, судя по бумаге и почерку, принадлежали
прежнему хозяину.

Имя нашлось в документах на помещение.

Аркадий Яковлевич Мельник.

Аглая получила лавку от него двадцать восемь лет назад.

В коробке старых бумаг сохранились его квитанции, договоры и несколько тонких тет-
радей.

На одной было написано:

«Приём. 1981».

На другой:

«1982».

Третья была без даты.

Из неё аккуратно вырезали первые двадцать страниц.

Мира сравнила бумагу с самыми старыми карточками.

Совпадала толщина.

Цвет.

Разлиновка.

Даже расстояние между горизонтальными линиями.

Старые карточки НВ были сделаны из страниц тетрадей Мельника.

Она начала рассматривать их края.

На одной с обратной стороны сохранилось окончание слова:

«...росить».

На другой:

«...можно».

Третья ничего не дала.
На шестой было видно:

«...ельзя вы...»

Мира положила её отдельно.

Через несколько минут нашла ещё одну:

«...бросить».

Два обрывка не составляли одну строку. Бумага была из разных листов. Но сочетание уже невозможно было не увидеть.

Нельзя выбросить.

Мира записала:

ГИПОТЕЗА: НВ = «Нельзя выбросить».

Слово «гипотеза» подчеркнула.

До подтверждения это оставалось только удобной расшифровкой.

В 14:15 в лавку вошёл невысокий мужчина лет сорока с тканевым портфелем.

«Мира Ланская?»

«Да».

«Роман Белов. Я с Аглаей по оценке работал».

Мира вспомнила имя из старых квитанций.

«Я уже договорилась с другим оценщиком».

«Я не за работой. Соболезную».

Он положил на прилавок пакет с двумя пирожками.

«Это городская традиция?»

«Что?»

«Кормить наследника лавки».

«Тамара уже была?»

«Дважды».

«Тогда вам официально разрешили здесь находиться».

Роман прошёлся взглядом по залу.

«Странно без Аглаи».

Мира слышала это много раз после похорон, но сейчас фраза прозвучала не как соболезнование.

Как констатация.

«Вы давно её знали?»

«Лет двадцать. Она звонила, когда приносили мебель, серебро, хорошие часы».

Мира показала ему обычную карточку.

«Систему учёта знаете?»

«Немного».

«НВ?»

Роман кивнул.

«Что означает?»

«Нельзя выставлять».

Мира молчала.

«Уверены?»

«Она говорила: это НВ, в зал не ставим».

«То есть слова „нельзя выставлять“ она не произносила».

«Нет. Я так понял».

Мира записала вторую версию.

«Почему нельзя выставлять?»

«Иногда спорные вещи. Иногда ждали владельца. Не знаю».

Роман заметил старые карточки.

«Это Мельника».

«Вы его знали?»

«Мальчишкой. Он умер давно».

«Кто-нибудь из его знакомых жив?»

«Спросите Льва Арденцева».

«Кто это?»

«Историк. Краевед. Знает, где стоял каждый сарай в Ладовске и кто кому задолжал три рубля в тысяча девятьсот одиннадцатом».

«Полезно».

«Пока он не спросит, зачем вам это нужно».

Роман продиктовал номер.

Мира записала имя.

Лев Арденцев.

«Вечером лучше не звоните».

«Почему?»

«Ответит и проговорит два часа».

«А днём?»

«Полтора».

После его ухода Мира вернулась к тетрадям Мельника.

На внутренней стороне задней обложки одной из них обнаружился плоский бумажный карман.

Внутри лежал сложенный вчетверо лист.

Бумага была той же.

Мира надела хлопковые перчатки и развернула его.

Вверху стояло:

«Для себя».

Ниже:

«НВ. Нельзя выбросить».

Название глупое, но другого пока нет.

Не всякая выброшенная вещь приходит сюда. Большинство, к счастью, ведёт себя как положено.

Если пришло, не искать смысл раньше владельца.

Первое при касании записывать сразу. Потом память добавляет своё.

Не отдавать человеку, который просто хочет избавиться снова.

Если вещь вернулась второй раз...»

На этом текст обрывался.

Нижнюю часть листа отрезали.

Мира перечитала всё сначала.

НВ.

Нельзя выбросить.

Теперь это был факт.

Остальное фактом не становилось.

«Не всякая выброшенная вещь приходит сюда».

Мельник мог быть суеверным.

Мог вести странную систему психологической работы с клиентами.

Мог шутить для самого себя.

Но Аглая продолжила его записи спустя десятилетия.

А компас Павла действительно лежал утром в запертом шкафу.

Мира открыла тетрадь и аккуратно разделила страницу на две колонки.

ФАКТЫ.

ГИПОТЕЗЫ.

В первую записала:

Мельник использовал обозначение НВ = «Нельзя выбросить».

Аглая сохранила обозначение.

Компас зарегистрирован как НВ.

Павел утверждает, что дважды выбрасывал компас и после этого Аглая его возвращала.

Вчера утром компас обнаружен в запертом шкафу.

Во вторую:

Предметы НВ появляются в лавке после того, как их выбрасывают.

Записи ощущений связаны с происхождением предмета.

Она долго смотрела на вторую строку.

Потом добавила вопросительный знак.

К закрытию лавки Мира успела позвонить в городской архив. Там подтвердили, что материалы по Мельнику есть, но быстрее будет действительно поговорить с Львом Арденцевым, который много лет собирал историю старого квартала.

Мира решила звонить утром.

После шести покупателей больше не было.

Она закрыла кассу и вынесла мусор.

Когда вернулась через боковой проход, заметила на деревянной обшивке рядом с приёмным шкафом свежую светлую царапину.

Вчера её, кажется, не было.

Слово «кажется» удержало Миру от вывода.

Она опустилась на колени и осмотрела пол.

Между шкафом и плинтусом блеснуло что-то маленькое.

Мира достала линейку и вытолкнула предмет.

Медный винтик.

Крошечный, с плоской головкой и тонкой насечкой по краю.

Не мебельный.

Она проверила петли шкафа, замок, ручки, крепления полок.

Все винты были на месте.

Мира завернула находку в бумагу и подписала время.

На улице уже темнело.

Она решила закончить.

Перед уходом открыла шкаф.

Пусто.

Закрыла.

В этот момент из щели у задней стенки выпала тонкая полоска бумаги.

Мира подняла её.

Почерк был Аглаин.

Сохранилось только начало строки:

«Если оно пришло, значит, кто-то очень хотел...»

Продолжения не было.

Мира осмотрела полку.

Никакого тайника.

Щель между досками была слишком узкой для целой записки. Этот обрывок мог пролежать за задней стенкой годы и выпасть только сейчас.

Она положила обрывок рядом с листом Мельника.

В тетради написала:
Завтра позвонить Льву Арденцеву.
Ниже:
Не делать из найденного правил, пока не проверено.
Эту строку Мира перечитала дважды.
Потом закрыла тетрадь.

Глава 4. Историк

Лев Арденцев ответил на втором гудке.

«Да».

«Доброе утро. Меня зовут Мира Ланская. Ваш номер мне дал Роман Белов».

«Какой Роман?»

«Оценщик. Работал с Аглаей Ланской».

На другом конце стало тише.

«Вы племянница Аглаи?»

«Да».

«Что случилось?»

Формулировка Мире не понравилась.

«Ничего. Я разбираю документы лавки».

«Звучит как начало чего-то, что обычно случается».

«Мне нужна информация об Аркадии Яковлевиче Мельнике».

«Зачем?»

Роман предупредил.

«Он предыдущий владелец лавки. Я нашла его старый учёт».

«Какой именно?»

«Если вы знаете Мельника, я лучше покажу».

«Вы сейчас там?»

«Да».

«Через полчаса буду».

«Мне удобнее встретиться в архиве».

«Мне удобнее увидеть бумаги».

«Я не сказала, что дам их в руки».

Лев помолчал.

«Хорошо. Уже интересно».

«К девяти».

«Буду в восемь сорок пять».

Он отключился.

Мира посмотрела на телефон.

В тетради написала только:

Лев Арденцев. 08:45.

Любая другая характеристика пока была бы выводом.

До его прихода она убрала лист Мельника в прозрачный файл, а коробку НВ закрыла в конторе. Незнакомому человеку показывать всё сразу она не собиралась.

В 08:41 постучали.

Лев оказался лет сорока семи, высокий и худой, в расстёгнутом тёмном пальто и плохо завязанном шарфе. Волосы сидели на висках. Очки с тонкой металлической оправой постоянно съезжали ниже, и он поправлял их одним пальцем.

В правой руке был бумажный стакан с кофе, в левой толстая папка.

«Мира?»

«Да».

«Лев».

Они пожали руки.

Он сразу посмотрел мимо неё в торговый зал.

«Я здесь лет пять не был».

«Почему?»

«Аглая перестала пускать».

Мира задержала руку на двери.

«Что вы сделали?»

«Задал вопрос».

«Какой?»

«Хороший».

«Она так не считала?»

«Сказала, что вопрос хороший, а время плохое».

Он вошёл.

На стене возле двери тикали часы.

Лев посмотрел на них.

«Эти всегда спешили на четыре минуты».

«Теперь на семь».

«Стареют».

Мира сказала: «Аркадий Мельник».

Лев снял пальто и повесил на спинку стула.

«Родился в двадцать девятом. Умер в девяносто восьмом. Лавкой владел с конца шестидесятых до начала девяностых. До него здесь работал его отец, ремонтировал часы, зонты, мелкую технику. Потом добавили комиссию».

«Аглая работала у него?»

«С конца семидесятых. Сначала помогала по выходным. Потом постоянно».

«Откуда знаете?»

«Фотографии, газетные упоминания, регистрационные документы».

«Родственники?»

«Дочь уехала. Кажется, в Канаду. Сын умер раньше него».

«Кто разбирал бумаги после смерти?»

Лев поднял брови.

«Вот это уже не про систему учёта».

«Связано».

«Покажите, и я скажу насколько».

Мира достала одну старую карточку.

Карманные часы. Серебро. Треснувший циферблат. НВ.

Лев не взял её.

Наклонился.

«Почерк Мельника».

«Уверены?»

«Почти».

«НВ встречали?»

«Да».

«Что означает?»

«Не знаю».

Ответ был быстрым.

«Спрашивали?»

«Аглаю».

«И?»

«Она сказала: не ваше».

«Это из-за этого перестала вас пускать?»

«Не только».

Мира отодвинула карточку.

«Что ещё?»

«Спросил, почему часть вещей не выставляют. Почему на карточках нет владельцев. Почему иногда нет даты».

«Что она ответила?»

«Что не всё в лавке принимали на комиссию».

«Нормально».

«Я спросил про даты».

«И?»

«Сказала, что дата иногда не помогает».

Мира записала фразу.

Лев заметил.

«Вы всё записываете?»

«Когда не хочу потом перепутать».

Он усмехнулся.

«Это вы у Аглаи научились?»

«Нет».

Мира достала лист Мельника.

«Не трогайте».

Лев наклонился и начал читать.

На строке «НВ. Нельзя выбросить» перестал улыбаться.

Прочитал весь лист.

Потом ещё раз начало.

«Где нашли?»

«В тетради Мельника».

«Я видел эту тетрадь».

Мира подняла глаза.

«Когда?»

«После его смерти. Помогал Аглае разбирать бумаги».

«Вам было сколько?»

«Девятнадцать».

«Страницы уже были вырезаны?»

«Да».

«Кто их вырезал?»

«Не знаю. Аглая разозлилась, когда увидела».

«Что сказала?»

Лев задумался.

«Кто это сделал».

«Именно так?»

«Да».

Мира отметила это в тетради.

«То есть она считала, что Мельник не стал бы сам уничтожать записи».

«Или знала, что не уничтожил».

«Это уже вывод».

«Конечно».

Ответ Мире понравился больше, чем она ожидала.

Лев снова посмотрел на лист.

«Первое при касании записывать сразу. Потом память добавляет своё».

«Как вы это понимаете?»

«Первое впечатление. Запах. Ассоциацию. Состояние предмета».
«Зачем?»
«Если он пытался установить происхождение».
«Зачем тогда только для НВ?»
Лев посмотрел на неё.
«А вот теперь я понимаю, почему вы позвонили».
Мира ничего не сказала.
Он продолжил:
«У вас есть такая вещь».
«Сейчас нет».
«Была».
«Почему решили?»
«Из-за вопроса о касании».
«Вы слишком уверены в чужих мотивах».
«Рабочая болезнь».
Мира закрыла файл.
«Латунный компас Николая Веденина».
Лев сразу узнал имя.
«Павел?»
«Что Павел?»
«Он снова выбросил его?»
Теперь Мира замолчала.
«Вы знаете историю».
«Первую. Лет пятнадцать назад Павел рассказывал, что выбросил компас в Ольшанку, а
Аглая через неделю его вернула».
«Кто-то мог найти».
«Конечно».
«Вот именно».
«А сейчас?»
Мира решила не скрывать факт, который всё равно был связан с карточкой.
«Утром после похорон компас лежал в приёмном шкафу».
Лев посмотрел туда.
«В этом?»
«Да».
«Он был заперт?»
«Да».
«Снаружи есть дверца».
«За решёткой и двумя замками. Я проверяла».
«Второй ключ?»
«Возможен».
«Павел забрал?»
«Вчера».
«И компас сейчас у него?»
«Проверила утром».
Лев кивнул.
Не засмеялся. Не спросил, верит ли Мира в чудеса. Это тоже было плюсом.
Он подошёл к шкафу.
«Можно посмотреть?»
«Смотреть можно. Трогать нет».

«Почему?»

«Потому что я ещё не понимаю, что происходит при касании».

Лев замер.

«Происходит?»

Мира пожалела о формулировке.

Но отступить было поздно.

«Вчера вечером я коснулась внутренней полки».

«И?»

«На несколько секунд почувствовала холод, увидела яркий свет, услышала хруст камня под ногами и почувствовала металлический вкус».

Лев ничего не записывал.

Просто слушал.

«На карточке компаса было?»

«Холод. Камень. Железо».

«Вы карточку читали раньше?»

«Да».

«Могли увидеть эту строку?»

«Могла».

«Тогда совпадение ничего не доказывает».

«Я знаю».

Мира неожиданно рассердилась на то, что он сказал именно то, что она сама повторяла себе всю ночь.

Лев заметил.

«Вы хотели, чтобы я сказал другое?»

«Нет».

«Хорошо».

Он всё-таки заглянул в шкаф, не касаясь полок.

«Аглая всегда держала НВ здесь».

Мира резко посмотрела на него.

«Вы знали?»

«Видел несколько».

«Какие?»

«Карманные часы. Куклу. Небольшую коробку. Может, ещё что-то».

«Саму куклу?»

Лев поправил очки.

«Да».

«Трогали?»

Он не ответил.

Этого хватило.

Мира достала карточку деревянной куклы.

«Эту?»

Лев прочитал описание.

Кукла, дерево и ткань. Волосы утрачены. НВ.

На обороте:

Молоко. Дым. Плач ребёнка.

Лицо Льва стало серьёзным.

«Я не видел эту запись раньше».

«Что вы почувствовали?»

«Запах молока».

Мира ждала.
«Потом дым».
Он посмотрел на карточку.
«И ребёнка».
«Плач?»
«Да».
«Вы уверены?»
«В молоке уверен. В остальном уже нет».
«Почему?»
«Потому что прошло почти двадцать лет».
Он посмотрел на карточку ещё раз.
«А теперь я это прочитал. Через неделю буду помнить лучше, чем было на самом деле».
Мира медленно убрала карточку.
Тот же принцип.
Память добавляет своё.
«Аглая была рядом?»
«Да. Отобрала куклу и сказала никогда больше не трогать вещи без разрешения».
«Вы нашли владельца?»
Лев взглянул на неё.
«Через два дня».
«Как?»
«На платье куклы была нашивка мастерской. Я стал спрашивать».
«Что сказала владелица?»
«Попросила больше никогда не приносить ей куклу».
«Почему?»
«Не сказала».
«Она жива?»
«Не знаю. И искать её ради этого не буду».
«Почему?»
«Потому что она уже один раз ясно сказала, чего хочет».
Мира хотела возразить и не стала.
Лев был прав.
Он спросил: «Знаете, почему я перестал сюда приходить?»
«Аглая выгнала».
«Удобно было так говорить. На самом деле после куклы я сам старался не приходить».
«Вы поверили?»
«Во что?»
«Что предмет показал вам чужое воспоминание».
Лев усмехнулся без веселья.
«Нет. Я поверил, что пять секунд чувствовал то, чего не мог объяснить. Это разные вещи».
Эта формулировка Мире понравилась.
Она записала её себе, но не дословно.
«Мельник что-то ещё писал о НВ?»
«Если писал, я не видел».
«Можно найти его интервью?»
«Да».
«Фотографии?»
«Да».

«Людей, которые его знали?»

«Сложнее, но попробую».

Лев надел пальто.

«А вы позвоните, если в шкафу появится ещё что-то».

«Не обещаю».

«Почему?»

«Потому что пока не знаю, что означает „появится“».

Он улынулся.

«Это честно».

У двери Лев заметил пакет с пирожками.

«Роман?»

«Да».

«Тогда съедобно».

«Тамара тоже приносила».

«Тогда вам официально разрешили остаться в Ладовске».

«Я не собираюсь оставаться».

«Аглая тоже сначала не собиралась».

«Все это говорят?»

«Только те, кто её помнит».

Он вышел.

Мира перевернула табличку на двери.

«Открыто».

День прошёл почти нормально.

Но только почти.

Каждый раз, когда дверь звенела, Мира сначала смотрела на посетителя и только потом на шкаф.

К обеду привычка первой смотреть на шкаф начала раздражать.

В 12:40 пришёл мастер и починил кассу.

В 13:15 Тамара Степановна купила фарфоровую солонку, которую сама же когда-то отдала Аглае.

Мира спросила: «Зачем забираете обратно?»

«Передумала».

«Вы её выбрасывали?»

Тамара Степановна медленно подняла глаза.

«Нет».

«Просто спрашиваю».

«Плохо у вас получается просто».

Она заплатила и ушла.

В 15:10 позвонил Лев.

«Нашёл интервью Мельника».

«Можно фотографию?»

«Можно прийти в архив».

«Фотографию быстрее».

Пауза.

«Вы портите профессию историка».

«Пришлёте?»

Через минуту в мессенджере появились четыре снимка старой газетной полосы.

Заголовок был простой:

«Вещи должны жить дольше хозяев».

Интервью рассказывало о ремонте и комиссионной торговле. Мельник ругал одноразовые вещи, объяснял, как восстановить стул и почему хорошие часы нельзя выбрасывать из-за сломанной пружины.

На третьей фотографии Лев обвёл абзац.

Журналист спрашивал:

«Говорят, некоторые вещи вы отказываетесь продавать даже за хорошую цену».

Мельник отвечал:

«Есть вещи, которые приходят не для продажи».

Следующий вопрос:

«А для чего?»

«Чтобы человек решил, что с ними делать».

Мира перечитала дважды.

Это всё ещё можно было понять совершенно обычно.

Человек передумал продавать семейную вещь. Мельник отложил её. Ждал решения.

Мира позвонила Льву.

«Ничего необычного».

«Согласен».

«Вы специально соглашаетесь?»

«Пока да».

«Есть ещё что-нибудь?»

«Последняя колонка».

Мира увеличила фотографию.

В конце журналист задавал вопрос:

«Какой самый необычный предмет вам приносили?»

Мельник отвечал:

«Не тот вопрос».

«А какой правильный?»

«Какой самый необычный предмет мне не приносили».

Следующая строка была последней.

«На этот вопрос мастер отвечать отказался».

Мира смотрела на экран.

«Может быть шутка».

«Может».

«Ничего не доказывает».

«Не доказывает».

Она отключилась.

Через несколько минут Лев прислал ещё одну фотографию.

Чёрно-белую.

Перед старой вывеской «Мельник. Ремонт и комиссия» стояли трое.

Аркадий Мельник, молодая Аглая и неизвестная девушка.

Подпись: 1984 год.

Мира увеличила лицо Аглаи.

Тёте было около тридцати. Руки сложены на груди. Она смотрела в камеру с тем же выражением, с каким много лет спустя смотрела на людей, пытавшихся торговаться за вещи, цену которых сама назначила.

Мира спросила:

«Кто третья?»

Лев ответил:

«Пока не знаю».

«Выясните?»

«Уже».

К шести Мира устала настолько, что решила не трогать НВ вообще.

Закрывает лавку, поужинала наверху и почти час занималась документами Аглаи.

Нормальные документы.

Страховка.

Коммунальные платежи.

Старая машина в сарае.

В 20:25 она поняла, что третий раз читает один и тот же счёт.

Спустилась проверить входную дверь.

Проверила кассу.

Окна.

Шкаф открывать не собиралась.

Если пуст, никакой новой информации.

Если нет, утром предмет никуда не денется.

Мира выключила свет над витриной и сделала три шага к лестнице.

Вернулась.

«Прекрасно».

Достала ключ.

Открыла шкаф.

На средней полке лежал конверт.

Белая бумага пожелтела по краям.

Ни адреса.

Ни марки.

Ни имени.

Мира не тронула его.

Сначала сфотографировала шкаф.

Потом наружную дверь.

Проверила замок.

После этого надела тонкие хлопковые перчатки.

Посмотрела на правую руку.

Сняла с неё перчатку.

Несколько секунд стояла так, с одной голой рукой и одной белой.

Стоять перед старым шкафом с одной голой рукой и одной в перчатке было нелепо.

Но если запись Мельника имела смысл, перчатка могла помешать.

Мира протянула пальцы и коснулась края конверта.

Сначала ничего.

Она подняла его.

Мир не исчез.

Лавка осталась перед глазами.

Но поверх неё на несколько секунд пришло другое.

Запах мокрой шерсти.

Чья-то ладонь очень крепко сжимает её левую руку.

Жар в правой щеке.

Ритмический стук.

Быстрый, тяжёлый.

Колёса поезда.

Мира моргнула.

Всё прекратилось.

Она стояла у шкафа.
Конверт был в руке.
Пульс ускорился.
Мира сразу положила конверт на прилавок и открыла тетрадь.
20:47.
Мокрая шерсть.
Сильное сжатие левой руки.
Жар или боль в правой щеке.
Ритмический звук, похожий на колёса поезда.
Она перечитала запись.
Только после этого перевернула конверт.
В правом нижнем углу карандашом стояло:
НВ.
Почерк Аглаи.
Рядом маленькая цифра 27.
Мира не вскрыла конверт.
Положила его в прозрачный пакет и подписала:
«Обнаружен 20:47. Приёмный шкаф. Не вскрыт».
Телефон завибрировал.
Сообщение от Льва.
«Нашёл имя девушки на фотографии. Завтра расскажу».
Мира посмотрела на запечатанный пакет.
Написала:
«Хорошо».
Ответ пришёл почти сразу:
«Что-то случилось?»
Мира нахмурилась.
«Почему вы спрашиваете?»
«Вы не спорите».
Она убрала телефон.
Конверт закрыла в ящике конторы.
Ключ от ящика взяла с собой наверх.
В квартире Мира долго стояла у окна.
На другой стороне улицы гасили свет в пекарне. Чуть дальше над крышами темнела часовая башня.
Утром она собиралась заниматься оценкой и продажей лавки.
Вечером в запёртом ящике лежал конверт, происхождение которого она не могла объяснить.
Мира вдруг поняла, что за весь день ни разу не посмотрела объявления о работе.
Это раздражало почти так же сильно, как шкаф.

Глава 5. Ласточка

Утром конверт лежал там же, где Мира оставила его вечером.
Неподвижность конверта успокаивала.
За ночь он не исчез, не переместился обратно в шкаф и не обзавёлся новой надписью.
Обычный пожелтевший конверт в прозрачном пакете. На обороте НВ и маленькая цифра 27.
Мира поставила рядом чашку кофе и открыла коробку с карточками.
Двадцать седьмая нашлась быстро.
«Письмо в конверте. Бумага. Не вскрывать без владельца. НВ».
Почерк Аглаи.
На обороте стояло:
«Вокзал. Дождь. Рука. Щека».
Мира несколько секунд смотрела на четыре слова.
Потом достала свою тетрадь.
Мокрая шерсть.
Сильное сжатие левой руки.
Жар или боль в правой щеке.
Ритмический звук, похожий на колёса поезда.
Слово «вокзал» она вчера не записала. Дождь тоже. Запах мокрой шерсти мог означать дождь, но это уже толкование.
Совпадение всё равно было слишком близким.
Мира положила карточку рядом с конвертом и сделала две фотографии.
Потом записала:
Карточку №27 до первого контакта не читала.
Подчеркнула один раз.
Вот теперь у неё был факт, который нельзя объяснить плохо запомненной строкой с карточки компаса.
Объяснений всё равно оставалось достаточно.
Аглая могла когда-то рассказать ей эту историю. В детстве, вскользя. Мира могла забыть рассказ и сохранить детали. Конверт мог иметь запах, который она не осознала. Стук машин на улице мог превратиться в поезд. Жар в щеке мог возникнуть от усталости.
Каждый пункт по отдельности выглядел слабым.
Вместе они раздражали.
В 08:36 в дверь постучал Лев.
Мира даже не удивилась.
Открыла и сказала:
«До девяти закрыто».
«Я покупатель».
«Что покупаете?»
Лев оглянулся на витрину.
«Уважение к рабочему времени».
«У нас такого нет».
«Тогда зря пришёл».
Он всё равно вошёл.
Сегодня папки при нём не было. Только телефон, перчатки и сложенный лист бумаги, который он держал за край.
«Нашёл девушку с фотографии».
Мира закрыла дверь.

«Имя?»

«Вера Клен».

Имя ничего ей не сказало.

Лев заметил.

«Вы совсем не знаете историю Варгана?»

«Знаю, что в городе есть музей».

«И фестиваль».

«На плакатах видела».

«Потрясающе. Человек приезжает в Ладовск и умудряется не знать единственную легенду, которую здесь продают даже на магнитах».

«Я приехала на похороны».

Лев перестал улыбаться.

«Да. Извините».

Он положил лист на прилавок.

Это была копия фотографии, которую прислал вчера. Под изображением кто-то позднее карандашом подписал три фамилии.

Мельник.

Ланская.

Клен.

Мира спросила: «Откуда подпись?»

«Из архива фотоклуба. Сохранился журнал негативов».

«Кем была Вера?»

Лев опёрся ладонями о край прилавка.

«Механиком. Чертёжницей. Работала у Павла Варгана».

«Того самого, из музея?»

«Того самого».

Мира вспомнила витрины, которые видела на площади. Механические птицы, коробки с движущимися фигурками, старые часы. Ладовск действительно любил Варгана. Его фамилия была на указателях, афишах, сувенирных пакетах.

«Почему она фотографировалась у Мельника?»

«Пока не знаю».

«Что знаете?»

Лев вытащил телефон.

«Работала в мастерской Варгана примерно с восемьдесят второго. Сначала помощницей. Потом в документах должность меняется на механика. В восемьдесят седьмом в мастерской произошёл пожар».

«Она погибла?»

«Официально нет».

«Что значит официально?»

«После пожара Вера исчезла. Варган заявил, что незадолго до этого обнаружил пропажу нескольких чертежей и деталей. Следствие решило, что она украла их, могла случайно устроить пожар и уехать».

«Нашли её?»

«Нет».

«Тело?»

«Нет подтверждённого».

Мира задержалась на слове.

«Подтверждённого?»

«В мастерской нашли сильно повреждённые останки. Их сочли принадлежавшими сторожу. Тогдашняя экспертиза была далека от сегодняшней. Вопросов много».

«Вы считаете, что это была Вера».

«Я считаю, что версия о её побеге плохо держится».

«Почему?»

«Потому что человек, который собирается бежать с украденными чертежами, обычно готовится хотя бы немного. Вера не сняла деньги со счёта. Не забрала личные вещи из комнаты. За день до пожара отдала сапоги в ремонт».

«Сапоги не сильное доказательство».

«Поэтому я и не написал книгу про сапоги».

«А книгу пишете?»

Лев посмотрел на неё.

«Пытаюсь».

Мира кивнула на фотографию.

«Как она связана с Аглаей?»

«Вот это мне тоже интересно».

«Вы вчера не знали, кто она».

«Лицо видел раньше. На групповых снимках мастерской. Не узнал моложе и без рабочей одежды».

«Аглая никогда не упоминала?»

«Нет».

«Мельник?»

«Тоже».

Мира взяла копию фотографии и поднесла ближе к свету.

Вера стояла чуть в стороне от Аглаи. Молодая, коротко стриженная, в светлой рубашке. На шее тонкий платок. Она смотрела мимо камеры, куда-то вправо, за пределы кадра.

«Когда снимок?»

«Лето восемьдесят четвёртого».

«За три года до пожара».

«Да».

Мира вернула фотографию.

«Вы пришли только ради этого?»

Лев посмотрел на прозрачный пакет возле её чашки.

«Нет».

«Вы даже не знаете, что там».

«Знаю, что вчера вечером вы отвечали сообщениями из двух слов».

«Это не улика».

«Для вас почти улика».

Мира убрала чашку подальше от документов.

«В шкафу появился конверт».

Лев сразу стал серьёзным.

«Когда?»

«В 20:47 я его обнаружила».

«Шкаф был заперт?»

«Да».

«Внешняя дверь?»

«Без изменений».

«Трогали?»

«Да».

«И?»

Мира протянула ему свою тетрадь, открытую на вчерашней записи.

Лев прочитал молча.

Потом она дала карточку №27.

Он прочитал и её.

Сравнил.

«Эту карточку вы раньше видели?»

«Нет».

«Уверены?»

«Уверена настолько, насколько вообще можно быть уверенной в собственной памяти.

Вчера я достала конверт, записала ощущения и закрыла его в ящике. Карточку нашла сегодня утром по номеру».

Лев снова сравнил записи.

«Это уже лучше».

«Слово „лучше“ мне здесь не нравится».

«Мне тоже».

Он подвинул карточку ближе.

«Аглая написала „вокзал“. Вы слышали поезд».

«Я слышала ритмический звук и решила, что он похож на поезд».

«Хорошо».

«Дождя я не чувствовала».

«Мокрая шерсть».

«Это не одно и то же».

«Согласен».

Он не спорил, и Мира снова почувствовала лёгкое раздражение.

Она сказала: «Внутри письмо».

«Вы открывали?»

«Нет».

«Почему?»

«На карточке написано не вскрывать без владельца».

Лев посмотрел на неё с заметным одобрением.

«Что?»

«Ничего».

«Вы опять смотрите».

«Просто рад, что вчерашний эксперимент с куклой не сделал из вас человека, который вскрывает чужие письма ради исследования».

«Я не экспериментировала с куклой».

«Я про себя».

Мира взяла карточку.

«Нам нужен владелец».

«Нам?»

«Вы уже здесь».

Лев улыбнулся.

На карточке имени не было. Зато номер 27 привёл к другой записи в старой тетради Аглаи.

Мира нашла её через двадцать минут.

Строка была короткая:

«27. Отдано Н. С. 18.10. Не открывала. Просила больше не приносить».

Рядом номер телефона из шести цифр, давно бесполезный.

Лев переписал инициалы.
«Н. С. маловато».
«Адреса нет».
«Зато есть дата».
«Года нет».
«Тетрадь какая?»
Мира проверила обложку.
«Девяносто шестой».
«Уже что-то».
Он достал телефон.
«Кому звоните?»
«В архив».
«Вы там работаете?»
«Нет».
«Тогда почему вам отвечают до девяти?»
«Потому что я умею быть обаятельным».
Через десять минут выяснилось, что архивист считает иначе.
Лев закончил разговор словами:
«Да, Тамара Ивановна. Я понял. После девяти».
Убрал телефон.
«Не сработало?»
«Рабочий день существует даже у историков».
Мира перевернула табличку на двери.
«Вот это открытие».
В девять вошёл первый покупатель, и поиск пришлось отложить.
Лев задержался возле витрины.
«Я схожу в архив. Если найду Н. С., напишу».
«И по Вере Клен».
«Это уже отдельная папка».
«Почему вы ей занимаетесь?»
Он на секунду задержался.
«Потому что в городской истории есть места, где слишком много людей повторяют одну и ту же удобную фразу».
«Какую?»
«Она сбежала».
Лев надел перчатки.
«Если все говорят одинаково, это ещё не значит, что все врут. Иногда один человек сказал первым, остальные перестали проверять».
Он ушёл.
До обеда Мира занималась лавкой.
Старалась заниматься только лавкой.
Приняла коробку пластинок, отказалась покупать повреждённый самовар и нашла в дальнем шкафу тридцать четыре фарфоровые тарелки одного сервиза, хотя по карточкам их должно было быть тридцать две.
Две лишние тарелки доставили почти физическое удовольствие.
Проблема имела размер, количество и решение.
В 12:18 пришло сообщение от Льва.
«Н. С. скорее всего Надежда Сергеевна Круглова. В 1996 жила на Привокзальной, 8. Сейчас адрес тот же».

Через минуту второе:
«Телефон нашёл».
Мира набрала сама.
Ответила женщина с тихим, хриловатым голосом.
«Слушаю».
«Надежда Сергеевна?»
«Да».
«Меня зовут Мира Ланская. Я племянница Аглаи Ланской».
Долгая пауза.
«Аглая умерла?»
«Да».
«Я не знала».
Мира коротко объяснила, когда были похороны.
Женщина помолчала.
«Хорошая была».
«Я разбираю её лавку. Нашла вещь с вашими инициалами».
«Какую?»
«Конверт».
На другом конце изменилось дыхание.
«Белый?»
«Пожелтевший. Без адреса и марки».
«Не открывайте».
«Не открывала».
«Вы уверены?»
«Да».
Надежда Сергеевна долго молчала.
«Откуда он у вас?»
Мира выбрала точную формулировку.
«Я обнаружила его среди вещей Аглаи».
«Она вернула его мне».
«В девяносто шестом?»
«Да».
«Он после этого оставался у вас?»
«До вчерашнего дня».
У Миры похолодели пальцы.
«Что произошло вчера?»
«Выбросила».
Ответ прозвучал просто.
«Куда?»
«В мусорный контейнер во дворе».
Мира села.
«Во сколько?»
«Не знаю. После обеда».
«Почему выбросили?»
Тишина.
Мира сразу сказала:
«Вы можете не отвечать».
«И не буду».
«Хорошо».

«Он у вас?»
«Да».
«Аглая опять...»
Женщина оборвала фразу.
«Что?»
«Ничего».
Мира посмотрела на шкаф.
«Надежда Сергеевна, в девяносто шестом Аглая тоже вернула вам этот конверт после того, как вы его выбросили?»
Пауза стала длиннее.
«Да».
«Где?»
«На вокзале».
Мира сжала ручку.
«Вы выбросили его там?»
«Да».
«Был дождь?»
Молчание.
«Кто вам это сказал?»
«Никто».
«Тогда откуда вы знаете?»
Мира могла соврать.
Сказать, что Аглая записала.
Это было бы почти правдой.
«На карточке Аглаи есть слово „дождь“».
«Ну конечно».
В голосе Надежды Сергеевны не было удивления.
Скорее усталость.
«Она вам объясняла, почему записывает такие вещи?»
«Нет».
«Вы спрашивали?»
«Один раз».
«Что ответила?»
«Что вещь иногда тащит за собой тот момент, когда от неё отказались».
Мира перестала писать.
Фраза была слишком прямой.
«И вы поверили?»
«Я не обязана была верить. Она принесла конверт, который я сама порвала пополам и бросила в урну».
Мира посмотрела на пакет.
Конверт был целым.
«Вы его порвали?»
«Да».
«Точно этот?»
«Точно».
«Почему уверены?»
«Потому что письмо внутри написала я».
Мира провела пальцем по краю тетради.
«Вы хотите забрать его?»

Ответ пришёл сразу.
«Нет».
«Тогда что мне с ним делать?»
«Не знаю».
«Аглая в прошлый раз вернула его вам».
«И я тридцать лет таскала его из квартиры в квартиру».
«Почти тридцать».
«Спасибо, что поправили».
Мира закрыла глаза.
«Извините».
Надежда Сергеевна неожиданно рассмеялась.
Коротко.
«Вы правда Аглаина».
«Мне это говорят».
«Оставьте конверт у себя».
«На карточке написано, что без владельца не вскрывать».
«Я владелец».
«Вы разрешаете открыть?»
Снова пауза.
«Нет».
«Тогда оставлю закрытым».
«Спасибо».
Мира уже хотела закончить разговор, но спросила:
«На вокзале кто-то держал вас за левую руку?»
В трубке стало очень тихо.
«Что?»
«Можете не отвечать».
Надежда Сергеевна заговорила медленнее.
«Мой отец».
Мира ничего не сказала.
«Я собиралась уехать. Он нашёл меня на платформе. Схватил за руку. Потом ударил».
Правая щека.
«Вы уехали?»
«Да».
«Письмо было связано с ним?»
«Нет».
Надежда Сергеевна остановилась.
«Вот что самое смешное. Письмо вообще было не про него».
«Тогда почему выбросили?»
«Потому что в тот момент хотелось выбросить всё, что связывало меня с городом».
Мира записала последнюю фразу почти дословно.
«А вчера?»
«Вчера я нашла конверт, когда разбирала шкаф. Мне семьдесят три. Отца давно нет. Человека, которому я писала, тоже. Я подумала, что хватит хранить».
«Вы снова его выбросили».
«Да».
«И он оказался здесь».
«Похоже».
Мира услышала, как женщина на другом конце двигает чашку или стакан.

«Аглая говорила, что это не наказание».
«Что именно?»
«Такие вещи».
«А что тогда?»
«Не знаю. Она сама не знала».
Разговор закончился через минуту.
Мира сидела за прилавком, пока не звякнула дверь.
Покупатель хотел старый будильник.
Мира продала ему тот самый, который разбудил её в первое утро.
Только после этого вернулась в контору.
На отдельной странице написала:
Рабочая гипотеза.
Отголосок связан с моментом сильного отказа от вещи.
Не обязательно с содержанием вещи.
После этого поставила вопросительный знак.
Ниже:
Н. С. выбросила конверт в 1996 году на вокзале. Аглая вернула. Вчера выбросила снова.
Сегодня конверт в лавке.
Мира перечитала.
Она по-прежнему не знала, как предмет пересёк город.
Зато впервые знала, где он находился накануне.
В мусорном контейнере на Привокзальной.
Если очень захотеть, можно было искать человека, который его подобрал. Дворника.
Соседа. Работника вывоза мусора.
Мира записала адрес контейнера.
Проверить стоило хотя бы один раз.
В 14:30 она закрыла лавку на обед и дошла до Привокзальной.
Дом номер восемь стоял в четырёх кварталах от старого вокзала. Серое пятиэтажное здание, двор, две скамейки, контейнерная площадка за металлическим ограждением.
Никакого тайного прохода до лавки.
Мира поговорила с дворником.
Мусор вывезли в шесть утра.
Он не видел, чтобы кто-то копался в контейнерах ночью. У камер подъезда площадка почти не попадала в кадр.
Один из жильцов иногда собирал картон, но вчера вечером его не было дома.
Ничего.
Мира сфотографировала площадку и вернулась.
По дороге прошла мимо вокзала.
Старое здание давно обслуживало только пригородные поезда. Под навесом было пусто.
На путях стояла электричка.
Кто-то объявил отправление.
Мира услышала стук колёс и остановилась.
Вчерашнее ощущение не вернулось.
Просто поезд.
Обычный поезд был хорошей новостью.
В лавке её ждал Лев.
Стоял под козырьком и смотрел на часы.
«У вас обед закончился семь минут назад».
«Жалобную книгу дать?»

«Сначала открыть».
Мира отперла дверь.
«Нашли ещё что-то по Вере?»
«Да».
«Что?»
«Сначала вы».
Мира сняла пальто.
«Владелицу конверта нашли. Она выбросила его вчера».
Лев остановился.
«Где?»
«Привокзальная, восемь. Контейнер».
«И утром он был здесь».
«Вечером».
«Кто мог принести?»
«Не знаю. Дворник никого не видел. Мусор вывезли утром».
Лев медленно кивнул.
«А ощущения?»
«Совпали с событием на вокзале в девяносто шестом».
«Она подтвердила?»
«Да».
«После того, как вы назвали детали?»
«Я спросила только про руку. Про щёку рассказала она».
«Хорошо».
«Опять это слово».
«Другого пока нет».
Мира положила сумку под прилавок.
«Теперь вы».
Лев достал из внутреннего кармана сложенный лист.
«Вера Клен действительно бывала у Мельника. Не один раз».
«Откуда?»
«Нашёл две квитанции ремонта и одну запись в журнале. Она приносила механические детали».
«Что ремонтировала?»
«Вот это интересно. Мельник написал: „птица, серебристый металл, механизм крыла“».
Мира взяла копию.
Дата стояла за год до пожара.
«Варган делал механических птиц».
«Да. Но эта запись оформлена на Веру. Не на мастерскую».
«Она могла просто принести рабочую вещь».
«Могла».
«Что ещё?»
«В городском музее есть каталог ранних работ Варгана. Одна серия называлась „Ласточки“. Семь небольших механических птиц».
«Сохранились?»
«Нет».
«Почему?»
«По официальной версии все семь погибли в пожаре».
Мира вернула лист.
«И?»

Лев убрал копию.

«И пока всё».

«Вы пришли ради одной строки про ремонт?»

«Вы недооцениваете хорошие строки».

«Я их оцениваю по содержанию».

Дверной колокольчик звякнул.

Вошла пожилая пара. Следующие пятнадцать минут они спорили о цене настенных часов.

Лев остался у дальнего стеллажа и листал старый альбом с видами города.

Когда покупатели ушли, он подошёл к прилавку.

«У вас когда-нибудь бывало ощущение, что лавка слушает разговор?»

Мира подняла глаза.

«Нет».

«Жаль».

«Почему?»

«Потому что сейчас было бы красиво».

«Что именно?»

Лев смотрел ей за плечо.

Мира обернулась.

Дверца приёмного шкафа была закрыта.

«Что?»

«Вы её сегодня открывали?»

«Утром».

«После?»

«Нет».

Лев ничего не сказал.

Мира вышла из-за прилавка.

Подошла к шкафу.

Ключ висел у неё на связке.

Замок был закрыт.

Она вставила ключ.

Повернула.

Дверца открылась.

На средней полке лежала птица.

Небольшая, длиной с ладонь.

Металл потемнел от времени, но под налётом проступал серебристый блеск. Одно крыло было прижато к корпусу, второе чуть поднято. Хвост состоял из тонких пластин. На груди виднелась узкая щель, похожая на соединение двух половин корпуса.

Мира не касалась её.

Лев подошёл на шаг ближе.

Она сказала: «Не трогайте».

«Я и не собирался».

Голос у него изменился.

«Вы её знаете?»

Лев снял очки, протёр их краем шарфа и снова надел.

Потом наклонился, оставаясь за плечом Мира.

«Если я правильно вижу, да».

«Что это?»

Он не ответил сразу.

На внутренней стороне поднятого крыла была маленькая отметка.
Две буквы.

В. К.

Живот стянуло, напряжение поднялось к груди.

«Вера Клен?»

«Возможно».

«Вы только что сказали, что знаете».

«Я сказал, что знаю, на что это похоже».

Лев смотрел на птицу, почти не моргая.

«Это одна из ласточек».

«Тех семи?»

«Да».

«Которые сгорели?»

Он кивнул.

Мира перевела взгляд на закрытую внешнюю дверцу шкафа, потом на птицу.

Описание показалось знакомым.

Мира вернулась в контору, открыла коробку НВ и перебрала карточки.

Нужная нашлась ближе к середине пачки.

Почерк Аглаи.

«Ласточка. Серебристый металл. Повреждение правого крыла».

Ни даты.

Ни владельца.

Внизу стояло НВ.

На обороте была одна строка.

«Птица вернулась. Не приняла».

Лев прочитал через её плечо.

«Что значит не приняла?»

Мира смотрела на почерк тёти.

«Не знаю».

Впервые этот ответ не раздражал.

Глава 6. Семь ласточек

Лев первым нарушил тишину.

«Вы помните эту карточку?»

«Нет. Вчера я просмотрела все НВ, но эту отдельно не откладывала».

«То есть она могла лежать в коробке всё время».

«Да».

Мира ещё раз пересчитала карточки. Сорок семь, как и вчера.

Хотя бы документ вёл себя обычно.

Она вернулась к шкафу и снова открыла дверцу.

Птица лежала на средней полке. Размером с ладонь, тяжёлая на вид, с узким вытянутым клювом. Серебристый металл местами почернел. Правое крыло было поднято чуть выше левого, словно механизм остановился посреди движения.

Мира сфотографировала полку, птицу, замок и петли. Затем достала из конторы бумажный пакет, хлопковые перчатки и чистую ткань.

Лев наблюдал за ней.

«Вы всегда так делаете?»

«Если не знаю происхождение предмета».

«А если знаете?»

«Тогда делаю быстрее».

Она надела перчатки.

«Вы касаться не будете».

«После куклы у меня выработалась дисциплина».

«Сомневаюсь».

Мира взяла ласточку обеими руками.

Вес оказался больше, чем ожидалось. Корпус был металлическим целиком. Под хвостом прощупывался заводной ключ, сложенный в углубление. На брюшке стояло несколько мелких царапин и тёмное пятно, похожее на след старого нагрева.

Никакого нового ощущения не возникло.

Только холод металла через ткань перчаток.

Мира положила птицу на подготовленную салфетку.

Лев придвинулся.

«Можно ближе?»

«Глазами».

Он наклонился.

Он сказал: «Семь штук».

«Что семь?»

«Серия. В каталоге мастерской они проходят как семь пробных ласточек. Варган хотел сделать большую композицию для выставки. Птицы должны были лететь по кругу над макетом города».

«Лететь?»

«По направляющей. Внутри потолочной рамы. Для восемьдесят шестого года конструкция была довольно сложной».

Мира осторожно повернула птицу.

На внутренней стороне правого крыла оставались две буквы.

В. К.

Буквы были процарапаны тонко, без декоративного клейма.

Мира спросила: «В каталоге они подписаны?»

«Как изделия мастерской Варгана».
«Вера Клен нигде не указана?»
«В опубликованном каталоге нет».
«А во внутренних документах?»
«Вот этого я пока не знаю».
Мира осмотрела шарнир крыла.
«Повреждение старое».
«Почему?»
«Край деформирован, внутри налёт. Если бы погнули недавно, металл выглядел бы иначе».
«Можно определить, был ли предмет в пожаре?»
«По виду нет. Нужно исследование. И даже тогда мы получим только следы нагрева».
Лев указал подбородком на тёмное пятно.
«Это не оно?»
«Может быть окисление. Может быть грязь. Может быть след нагрева. Пока не знаю».
«Вы очень любите эту фразу».
«Она полезная».
Лев улыбнулся.
Мира взяла карточку Аглаи.
«Птица вернулась. Не приняла».
«Что могло значить последнее?»
«Я вчера считала, что записи относятся к владельцам. Теперь не уверена».
«Может, человек отказался брать птицу обратно».
«Тогда Аглая скорее написала бы „не забрал“ или „отказался“».
«Вы хорошо знаете её формулировки?»
Мира посмотрела на карточку.
«Начинаю узнавать».
Она сняла перчатки и открыла тетрадь.
Записала время, состояние предмета, маркировку, положение в шкафу.
Лев ждал.
«Вы не собираетесь делать то, что делали с конвертом?»
Мира поняла, о чём он.
«Коснуться без перчаток?»
«Да».
«Не сейчас».
«Почему?»
«Потому что вы стоите рядом и очень хотите результата».
«Какая связь?»
«Я потом не хочу гадать, слышала ли что-то сама или подобрала из вашего рассказа».
Лев подумал и отступил на два шага.
«Теперь достаточно далеко?»
«Нет».
«Выйти на улицу?»
«Рабочий день уже начался».
Словно в подтверждение, дверной колокольчик звякнул.
В лавку вошла женщина с девочкой лет восьми. Девочка сразу увидела механическую птицу.
«Мам, смотри».
Мира накрыла ласточку чистой тканью.

Лев тихо сказал:

«Жестоко».

«Она не продаётся».

«Это вы ребёнку или мне?»

«Обоим».

Следующие сорок минут разговор о Вере Клен пришлось отложить.

Девочка выбрала деревянную коробочку с вращающейся балериной. Механизм заедал. Мира сделала скидку и записала номер телефона Семёна Кленова, который нашла среди контактов Аглаи под пометкой «механика». Решила позвонить позже. Если он действительно занимался старыми механизмами, ласточке всё равно понадобится специалист.

После матери с дочерью пришёл мужчина за часами, потом курьер, потом Тамара Степановна с пустой банкой.

Мира спросила: «Это что?»

«Варенье».

«Банка пустая».

«Варенье дома. Я проверяла, нужна ли вам банка».

Тамара Степановна посмотрела на Льва.

«Опять вы».

«Доброе утро».

«Уже нет».

Она перевела взгляд на ткань на прилавке.

«А там что?»

Мира ответила раньше Льва:

«Предмет на осмотре».

«Понятно».

По лицу Тамары Степановны было видно, что ничего ей не понятно и это её не устраивает.

«Я вечером зайду».

«Зачем?»

«За банкой».

«Она ваша».

«Теперь уже ваша».

Тамара ушла.

Лев проводил её взглядом.

«Когда-нибудь я хочу понять правила обмена тарой в вашем доме».

«Не сегодня».

К одиннадцати поток покупателей закончился.

Мира заперла ласточку в конторском ящике.

Лев всё ещё не уходил.

«В архив вам не нужно?»

«Нужно».

«Тогда почему вы здесь?»

«Потому что в архиве нет вещи, которая сгорела тридцать девять лет назад».

Мира подняла голову.

«Тридцать девять?»

«Пожар был в восемьдесят седьмом».

Она кивнула.

«А фестиваль в этом году посвящён сорокалетию мастерской?»

«Сорокалетию первой большой выставки Варгана. Пожар был позже».

«Понятно».

«Вот почему сейчас вокруг него столько шума. Музей готовит расширенную экспозицию».

Мира посмотрела в сторону закрытого ящика.

«Кто имеет доступ к старым вещам из мастерской?»

«Музей. Семья. Часть предметов хранится в городском фонде».

«Если эта птица сохранилась, почему никто о ней не знает?»

«Может, знает».

«Кто?»

«Елена Варган».

Имя было новым.

«Родственница?»

«Правнучка Павла Варгана. Директор музея».

«Вы с ней разговаривали про Веру?»

Лев усмехнулся.

«Много раз».

«Результат?»

«Она считает, что я строю обвинение на пробелах в документах».

«А вы?»

«Считаю, что пробелы иногда появляются потому, что кто-то очень старался».

«Это уже версия».

«Да».

Мира закрыла тетрадь.

«Тогда в музей пойдём без версии».

Лев посмотрел на неё.

«Мы?»

«Вы знаете документы. Я знаю предмет».

«А говорили, что не любите смешивать выводы».

«Я сказала, что не хочу смешивать их до проверки».

Он взял пальто.

«Через час?»

«Лавку нельзя бросить».

«Закройте на обед».

«У меня нет обеда по расписанию».

«А теперь будет».

Мира хотела возразить, но мысль была разумной.

На двери висела старая табличка «Перерыв», обнаруженная вчера под кассой.

Она поставила время с 13:30 до 14:30.

Мира сказала: «В час двадцать пять».

«Я буду в час двадцать».

«Это уже ваша проблема».

Лев ушёл.

До обеда Мира успела позвонить Семёну Кленову.

Голос у него был молодой.

«Кленов слушает».

«Здравствуйте. Мира Ланская. Я разбираю лавку Аглаи».

«Соболезную».

«Спасибо. У меня есть старый механический предмет. Нужна консультация по состоянию».

«Часы?»

«Птица».

На секунду он замолчал.

«Механическая игрушка?»

«Похоже».

«Фото пришлёт?»

Мира посмотрела на ящик.

«Позже».

«Могу зайти вечером».

«Сегодня не получится. Я сначала хочу установить происхождение».

«Как хотите. Номер у вас есть».

Он говорил спокойно, без лишнего интереса. Фамилия совпадала с Верой, но в небольшом городе это ещё ничего не значило.

Мира записала имя и время звонка.

В 13:18 пришёл Лев.

Он принёс плотную серую коробку.

«Что там?»

«Копии».

«Какие?»

«Чтобы Елена не могла сказать, что я пришёл с пустыми руками».

«Вы собираетесь с ней спорить».

«Я собираюсь задавать вопросы».

«Для вас это почти одно и то же».

Лев не ответил.

Мира закрыла кассу, перевернула табличку и достала ласточку.

Для перевозки нашлась небольшая коробка из-под серебряных ложек. Мира выстелила её мягкой тканью и зафиксировала птицу свернутой бумагой, чтобы крыло не двигалось.

Карточку Аглаи взяла отдельно.

Лев спросил: «Её показывать будете?»

«Пока нет».

«Почему?»

«Потому что она относится к лавке, а не к атрибуции птицы».

«Разумно».

«Запомните ощущение. Оно редкое».

До площади они дошли за шесть минут.

Мира уже проходила здесь после похорон, но внутрь музея не заходила.

Дом Варгана занимал угол площади. Два этажа светлого камня, высокие окна, тёмная крыша. Над входом висела металлическая птица с раскрытыми крыльями. Ветер заставлял хвост поворачиваться, и крылья медленно двигались вверх и вниз.

На ступенях стояли ящики с декорациями фестиваля.

Внутри пахло воском, старым деревом и свежей краской.

За стойкой продавались открытки, значки и маленькие заводные птицы.

Лев заметил взгляд Миры.

«Вот магниты, о которых говорил».

«Я вам верила».

«Неприятно слышать».

Молодой сотрудник за стойкой узнал Льва и заметно напрягся.

«Елена Павловна занята».

Лев сказал: «Мы не договаривались».

«Я заметил».

Мира вмешалась.

«Скажите, что у нас предмет из старой мастерской. Нужна только предварительная атрибуция».

Сотрудник посмотрел на коробку в её руках.

«Какой предмет?»

«Пусть Елена Павловна сама решит, хочет ли смотреть».

Он ушёл в служебную дверь.

Лев тихо сказал:

«Вас музейная работа испортила меньше, чем я думал».

«Молчите».

Через пару минут дверь открылась.

Елена Варган вышла без спешки.

Мире она показалась моложе Льва, около сорока. Тёмные волосы собраны на затылке, на шее тонкая цепочка, на руках никаких украшений. Одежда простая: чёрные брюки, светлая рубашка, серый жилет с музейным бейджем.

Она сначала посмотрела на Миру.

Потом на Льва.

«Что на этот раз?»

Он спросил: «Почему сразу я?»

«Потому что вы стоите рядом с коробкой и выглядите довольным».

Мира протянула визитную карточку лавки, найденную среди вещей Аглаи.

«Мира Ланская. Мне досталась лавка тёти. Сегодня нашли предмет, который может относиться к мастерской Варгана».

Елена взглянула на фамилию.

«Аглая Ланская?»

«Да».

«Соболезную. Я не знала, что лавка перешла вам».

«Я пока сама не знаю, что с ней будет».

Елена кивнула на коробку.

«Пойдёмте в кабинет».

Лев двинулся следом.

«Вас я не приглашала».

«Предмет нашёлся в рамках моего исследования».

«Нет».

Лев остановился.

«Что нет?»

«Предмет нашёлся в лавке. Вы оказались рядом».

Елена впервые улыбнулась.

«Теперь можете идти».

Лев всё-таки пошёл с ними.

Кабинет Елены находился на втором этаже, за небольшим залом с ранними работами мастерской.

Мира замедлила шаг возле витрины.

Внутри стояли механические птицы.

Две синицы, воробей, длинноногая цапля. Металл сочетался с деревом и эмалью. Возле каждой табличка с датой и названием.

Мира спросила: «Они работают?»

Елена ответила: «Большинство. Запускаем редко. Механизмам уже много лет».

Лев остановился рядом.
«Ласточек здесь нет».
Елена посмотрела на него.
«Потому что они утрачены».
«Все семь?»
«По документам да».
«Вы уверены?»
«Лев».
Одного имени хватило, чтобы разговор закончился.
В кабинете Елена освободила большой стол.
Мира положила коробку и сама сняла крышку.
Елена увидела птицу.
Её рука, которой она собиралась отодвинуть папку, остановилась.
Пауза была короткой.
Мира всё равно заметила.
Елена спросила: «Где это было?»
Лев открыл рот.
Мира ответила первой:
«В лавке».
«Кто принёс?»
«Пока устанавливаю».
Елена подошла ближе.
«Можно?»
«Смотреть да. Касаться пока нет».
Елена не возразила.
Это Мире понравилось.
Она нагнулась над птицей.
Сначала посмотрела на крылья. Затем на хвост и нижнюю часть корпуса.
Она сказала: «Правая пружина повреждена».
Мира подняла взгляд.
«Вы видите пружину?»
«Нет. По положению крыла».
«Значит, знаете механизм».
Елена выпрямилась.
«У нас есть чертежи серии».
Лев сразу спросил:
«Полные?»
«Те, что сохранились».
«С подписями?»
«Началось».
Она снова посмотрела на Миру.
«Можно открыть крыло чуть сильнее?»
«Без инструмента лучше не двигать».
«Согласна».
Мира показала буквы В. К.
Елена долго смотрела на них.
«Вы раньше видели такую маркировку?»
«Да».
Лев перестал двигаться.

Мира спросила:

«Где?»

Елена отошла к шкафу, достала пару хлопковых перчаток и только потом открыла ящик стола.

Из него появился маленький металлический узел, похожий на часть шарнира.

На внутренней стороне были те же две буквы.

В. К.

Елена положила деталь рядом с коробкой.

«Нашли в фондах два года назад. Без инвентарного номера. Она лежала среди деталей Варгана».

Лев наклонился.

«И вы никому не сказали».

«Кому именно я должна была сообщить о двух буквах на шарнире?»

«Мне, например».

«Вот поэтому и не сказала».

Мира посмотрела на обе маркировки.

Начертание совпадало не идеально, но было близким. Буква К имела длинную верхнюю косую черту. В была узкой и чуть заваливалась вправо.

Мира спросила: «Вы проверяли, чьи инициалы?»

«В мастерской было несколько людей с такими буквами в имени. Вера Клен одна из них».

«Кто ещё?»

«Виктор Корин, поставщик. Валентин Костров, слесарь. Нужно смотреть даты».

Лев сказал:

«Ни Корин, ни Костров не работали над ласточками».

Елена повернулась к нему.

«По известным вам документам».

«По ведомостям мастерской».

«Которые неполны. Вы сами это повторяете десять лет».

Лев замолчал.

Мира посмотрела на Елену внимательнее.

«Вы допускаете, что Вера работала над этими птицами?»

«Допускаю».

«В опубликованном каталоге её нет».

«В каталоге много кого нет. Это каталог работ мастерской, составленный в девяностых на основе записей Варгана».

«Вы считаете каталог ненадёжным?»

Елена провела пальцем по краю стола.

«Я считаю его старым».

Лев тихо усмехнулся.

Она посмотрела на него.

«Хотите спорить, спорьте со мной после того, как получите доказательство».

«Вот оно».

Он указал на ласточку.

«Это предмет. Его ещё надо атрибутировать».

«Вера поставила инициалы».

«Возможно».

«Вы сейчас говорите как Мира».

«Это комплимент».

Мира не вмешивалась.

Конфликт между ними начался задолго до её приезда. Это было полезно помнить.
Елена подошла к компьютеру.

«Я могу показать фотографии чертежей. Оригиналы сегодня не дам. Фонд закрыт из-за монтажа выставки».

Мира сказала: «Фотографий хватит для начала».

Лев сел рядом, не дожидаясь приглашения.

На экране появились сканы.

Первый лист содержал общий вид конструкции. Семь птиц, каждая пронумерована. Под ними схема направляющей.

Мира наклонилась ближе.

«У шестой правое крыло отличается».

Елена увеличила изображение.

«Да».

«Почему?»

«В примечании написано „новый узел“».

«Чьим почерком?»

«Не установлено».

Лев достал телефон.

«Можно снять?»

«Нет».

«Елена».

«Это внутренний рабочий скан. Я пришлю вам копию после оформления запроса».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.